

А.Н. Веселовск

**Западное влияние в новой
Русской литературе.
Историко-сравнительные
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Веселовск**
Западное влияние в новой Русской литературе. Историко-сравнительные очерки / А.Н. Веселовск – М.: Книга по Требованию, 2021. – 273 с.

ISBN 978-5-517-83585-7

Западное влияние в новой Русской литературе. Историко-сравнительные очерки.

ISBN 978-5-517-83585-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лицамъ, чье рвеніе не имѣеть ничего общаго съ литературой. Уваженіе или хоть приличное отношеніе къ европейской культурѣ понемногу возстановилось. Къ тому же и жизнь научила новѣйшихъ шишковистовъ кой-чему. Не такъ давно можно было не безъ любопытства созерцать, какъ они братались съ «великой дружественной республикой» и ратовали за франко-русскій союзъ. Когда же настала пора для русскаго вліянія не только на политику, но и на словесность запада, и Европа, а за нею Америка поддались обаянію русскаго художественнаго творчества, это обратное вліяніе, это отдариваніе нашихъ прежнихъ учителей, представлявшееся рано-ли, поздно-ли неизбежнымъ, естественнымъ для тѣхъ, кто стоялъ на почвѣ общечеловѣческаго обмѣна идей, наполнило удовольствіемъ и непримиримыхъ противниковъ западничества.

Но за тѣ же годы много измѣнилось и для его сторонниковъ. Необыкновенно разросся научный матеріаль, облегчившій оцѣнку западнаго вліянія; не только для новой литературы или для изученія дѣятельности выдающихся ея представителей, но и для до-петровскаго періода словесности въ ея частыхъ сближеніяхъ съ мыслью и творчествомъ Европы, сдѣлано, намѣчено, открыто много важнаго и цѣннаго. Тамъ, гдѣ были лишь одиночныя работники, начинается дружный коллективный трудъ.

Вторая, книжная редакція очерковъ не могла уже удержаться на уровнѣ этого движенія. Жизнь опередила ее, требуя обновленія и коренной переработки, основанной на послѣднихъ итогахъ науки. Для «летучихъ листковъ» восьмидесятихъ годовъ настала третья и окончательная редакція; почти удвоенная размѣромъ, по большей части вновь написанная, съ обширнымъ

вступленіемъ о древней литературѣ, замѣнившимъ прежнее бѣглое введеніе, книга ратуетъ за ту же неизмѣнную идею, но, свободная отъ обязанностей полемики, добыла себѣ больше простора для выполненія своей задачи. Изучая по существу одинъ изъ любопытнѣйшихъ сравнительно - историческихъ вопросовъ, она имѣетъ цѣлью изложить сущность его не только специалисту, но и среднему читателю,—потому что возмужалъ тѣмъ временемъ этотъ читатель, что не легко успокоить его старыми роказнями, полными лести и самообольщенія, что точный роказъ о томъ, какъ предки его продвигались изъ мрака къ свѣту и изъ учениковъ сами становились мастерами, можетъ только возбудить въ немъ энергію къ дальнѣйшему труду для народнаго блага.

Александру Николаевичу

Лытину.

Обмѣнъ идей, образовъ, фабулъ, художественныхъ формъ между племенами и народностями цивилизованнаго міра—одно изъ важнѣйшихъ наблюденій сравнительно молодой еще историко-литературной науки. Постоянно подкрѣпляемое все новыми и новыми сближеніями и параллелями, изъ классической старины и новыхъ вѣковъ, изъ литературной жизни Востока и Запада, Европы и Азіи, славянства и романо-германскаго міра, оно становится однимъ изъ законовъ развитія художественнаго творчества. Самобытная сила извѣстнаго племени, встрѣчая на своемъ пути странствующія по свѣту сказанія и мѣбы, идеи и грезы, фабулы и бытовые мотивы, усваиваетъ ихъ, сливаетъ съ своимъ собственнымъ достояніемъ, иногда развивая ихъ пышнѣе прежняго и измѣняя до неузнаваемости. Заимствованіе могло произойти и непосредственно, отъ народа къ народу, и на разстояніи, когда явились посредники и передатчики, наконецъ при отдаленіи не только въ пространствѣ, но и во времени, когда давно минувшее сильно подѣйствовало на умы еще не затронутаго имъ народа. Онъ, быть можетъ, поддастся вліянію болѣе культурнаго племени, но, въ свою очередь, когда настанетъ его время, онъ можетъ отвѣтить такимъ же вліяніемъ, такою же поддержкой. Этотъ круговоротъ идей и художественныхъ мотивовъ сближалъ народы искони и тѣмъ болѣе долженъ былъ усилиться въ послѣдніе два вѣка, когда надъ національною рознью все могущественнѣе поднимается общечеловѣческое культурное сліяніе, и когда то, что создано и добыто для общаго блага одною страной, все быстрѣе разносится во все концы міра. Историкъ отдѣльныхъ литературныхъ родовъ, повѣсти, драмы, лирики, изслѣдователь исторіи сюжетовъ (Stoffgeschichte). лѣтописецъ главнѣйшихъ

школь и направленій, энциклопедизма, романтизма, народничества, бытового реализма, литературныхъ отраженій социализма, изслѣдователь „психологій народовъ“, старающійся опредѣлять и характеризовать вклады каждого племени въ общее движеніе человѣчества, пеминуюемо встрѣтятся съ вѣковѣчнымъ принципомъ обмѣна идей.

Европейская наука уже освоилась съ нимъ, смиряя часто ради него прежнія патріотически-одностороннія симпатіи, какъ сдѣлала это, наприм., французская наука о старинѣ, примирившаяся съ открытіями двухъ чужеземцевъ, итальянца Райны и датчанина Ниропа, которые доказали, что французскій героическій эпосъ—германскаго происхожденія, и одинъ изъ выдающихся специалистовъ въ этой области, Гастонъ Парисъ, не затруднился недавно заявить, какъ основное свое убѣжденіе, „что, восходя въ глубь древнѣйшей поры французской литературы, мы всегда найдемъ вмѣсто обособленнаго развитія, необыкновенное множество чужеземныхъ зародышей самаго разнообразнаго происхожденія, заимствованныхъ, усвоенныхъ, превращенныхъ“, и что именно „благодаря этому притоку элементовъ въ ея внутреннюю жизнь, во французской литературѣ развилаь сила, настолько могущественная и величавая, что она могла сгруппировать вокругъ себя всю Европу“...¹⁾ Въ самомъ фактѣ заимствованія пріучились видѣть не позоръ, не рабство, не безличность, а свободное пользованіе правомъ культурнаго дѣятеля, получившее даже психологическое оправданіе въ такихъ трудахъ, какъ книга Тарда о „Законахъ подражанія“, прослѣженнаго авторомъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, общественной, политической, научной, художественной.²⁾ Если у народа есть жизненная сила, вліянія и заимствованія не только не убьютъ въ немъ самостоятельности, но вызовутъ эту силу на свободное состязаніе, а для народа неопытнаго, отставшаго, послужать школой, въ которой окрѣпнетъ его самодѣятельность. Gaston Paris мѣтко прилагаетъ къ умственной жизни народовъ прии-

¹⁾ La poésie au moyen âge, leçons et lectures; deuxième série. 1895, X.

²⁾ Les lois de l'imitation; въ русскомъ переводѣ изд. г. Павленковымъ, СПб. 1892.

щины свободной торговли, гдѣ „тѣмъ больше ввозимъ, тѣмъ болѣе имѣемъ шансовъ вывезти“, совсѣмъ въ духѣ старой поговорки Панурга у Рабле: „Empruntez pour qu'on vous emprunte“.

И результатомъ признанія законмѣрности литературнаго обмѣна явилась разрастающаяся не по днямъ, а по часамъ литература всевозможныхъ изслѣдованій о взаимномъ вліяніи однихъ свроейскихъ литературъ на другія. Вліяніе нѣмецкой словесности на литературы всѣхъ народовъ Европы, въ частности на французскую,¹⁾—итальянской на нѣмецкую, англійскую, французскую,²⁾ —испанской на французскую и нѣмецкую,³⁾ —англійской на французскую и нѣмецкую⁴⁾—французской на нѣмецкую,⁵⁾ п т. д. — изслѣдовано иногда съ необыкновенною, щепетильною обстоятельностью,⁶⁾ тогда какъ множество статей, посвященныхъ или новѣйшему вліянію русской беллетристики на европейскую или увлеченію запада скандинавскою литературой, получившему уже проз-

1) Weddigen. Geschichte der Einwirkungen der deutschen Liter. auf die Lit. der übrigen europ. Kulturvölker der Neuzeit. Leipz. 1882.—Süpfle. Gesch. des deutsch. Kultureinflusses auf Frankreich.—Ch. Joret. Des rapports intellectuels entre la France et l'Allemagne avant 1789.—Rosières. La littér. allemande en France, Revue bleue, 1883.—Fritz Meissner. Der Einfl. deutschen Geistes auf die franz. Literat. des 19. Jahrhundert., L., 1893.—Herford, Studies in the literary relations of England and Germany in the 16 cent., 1886.—О вліяніи на повѣйшую англійскую словесность статья Thomas Sergeant Perry, Atlantic Monthly, 1877.

2) Alfred v. Reumont. Delle relazioni della letteratura italiana con quella di Germania. Firenze, 1853.—Ross Murray. The influence of italian upon engl. liter. during the 16 and 17 cent. Cambridge, 1886.—Henri Hauvette. Les relations littér. de la France et de l'Italie, Annales de l'université de Grenoble, 1895.—Rathéry. Influence de l'Italie sur les lettres fr., 1857.

3) Morel-Fatio. Etudes sur l'Espagne, 1-re série, 1888.—Puibusque, Histoire comparée des lit. française et espagnole, 1841.—Farinelli. Deutschlands und Spaniens Beziehungen. Zeitschr. f. vergl. Liter. 1895, VIII.

4) Max. Koch. Ueber die Beziehungen der engl. Liter. auf die deutsche des 18. Jahr.—Joseph Texte. J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire, 1395.

5) Georg Steinhausen. Die Anfänge des französ. Literat.- und Kultureinfl. in Deutschland. Zeitsch. f. vergleich. Literaturgesch., 1894, 5—6 Heft.—Honegger. Kritische Gesch. des französ. Kultureinfl. in den letzten Jahrhunderten. B. 1875.

6) Недавно въ Германіи издана была съ учебною цѣлью даже графическая литературная таблица, показывающая вліяніе ввозимыхъ литературъ на нѣмецкую. C. Flaischlein. Graphische Lit.-Tafel, Die deut. Literat. und d. Einfluss fremder Literaturen auf ihren Verlauf v. Beginn einer schriftl. Ueberlieferung an bis heute. St. Goschen, 1893.

вище septentrionalisme'a, является подготовительной работой для будущих научных изслѣдованій объ этомъ предметѣ, которыя обогатятъ лѣтопись объѣна двумя любопытными главами.

Такая постановка вопроса не кажется оскорбительною для чьего бы то ни было патріотизма, унижающею самобытность и независимость національнаго начала. Самое начало это наука привыкла разлагать на части и пзучать ихъ взаимодѣйствіе. Новѣйшій историкъ англійской литературы ¹⁾ послѣдовательно разсматриваетъ три главные элемента: кельтскій, германскій, норманскій, составившіе собою англійскую національность, языкъ и литературу. Слишкомъ два столѣтія долженъ онъ отвести господству французской рѣчи и словесности, вызванному завоеваніемъ Англии норманами, анализировать и объяснять произведенія, писавшіяся туземцами на чужомъ языкѣ; онъ знаетъ, что отъ скрещиванія нѣсколькихъ даровитыхъ расъ, взаимно дополнявшихъ и поддерживавшихъ одна другую, сложилась послѣ долгаго творческаго процесса типическая, стойкая національность, и сильная, яркая литература.

Въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ съ первыхъ дней исторіи уже обозначаются несравненно бѣльшая, чѣмъ въ Англии, пестрота племенного состава, непрерывныя сношенія съ народностями азіатскаго востока, финскаго и скандинавскаго сѣвера, съ греческой культурой Византіи и нѣмецкою жизнью, съ бытомъ и творчествомъ славянства, — гдѣ три послѣднихъ столѣтія ушли на развитіе разнообразныхъ сношеній съ европейскимъ западомъ, — гдѣ, наконецъ, среди живущихъ совмѣстно племень, постоянно приходятъ въ соприкосновеніе различные отбѣлки культуры и уровни литературнаго творчества, — вопросъ объ объѣнѣ долженъ былъ бы, казалось, считаться безспорнымъ, естественнымъ, обезпечившимъ себѣ мѣсто въ наукѣ. **На** дѣлѣ этого не было до новѣйшаго времени; многія частныя наблюденія и замѣчанія, неизбѣжныя при сколько пибудь толковомъ изученіи

¹⁾ Jusserand, Histoire littéraire du peuple anglais, 1895.

литературной исторіи, не сводились воедино, не обобщались съ научною цѣлью.

Въ самомъ началѣ 19 столѣтія, съ кафедры только что открытаго дерптскаго университета, слышится рѣчь одного изъ мѣстныхъ ученыхъ,¹⁾ — первое категорически сдѣланное заявленіе о важности западнаго вліянія на русскую литературу. Но это—только актовая рѣчь, сказанная по случаю открытія университета, и притомъ не специалистомъ по литературѣ, а историкомъ. Въ пей замѣтно пскреннее уваженіе пріѣзжаго изъ Германіи эрудита къ русскому народу, сумѣвшему побѣдить предрасудокъ и предубѣжденіе иностранца своею способностью къ развитію (Bildsamkeit) и самостоятельною переработкой заимствованнаго, — но фактовъ и указаній пемного. Потомъ проходятъ десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, разгорается споръ западниковъ съ славянофилами, но ни одного своднаго труда, обобщающаго то, что въ отдѣльности заявлялось въ критическихъ статьяхъ и среди возбужденія полемики, не было предпринято. 1857 годъ, когда появился юношескій, но поразительный по глубокой эрудици и до сихъ поръ сохранившій авторитетное значеніе трудъ А. Н. Пыпина „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, сталъ эрой, съ которой идетъ лѣтосчисленіе въ научной разработкѣ вопроса объ обмѣнѣ, который въ названномъ трудѣ получилъ сразу широкое примѣненіе: западное, восточное, славянское вліяніе одинаково стали предметомъ изученія молодого ученаго. Такой блестящій починъ послужилъ стимуломъ къ изысканіямъ; со временемъ русская наука дожила и до школы, специально посвятившей себя изслѣдованію восточнаго вліянія на русскій эпосъ (Стасовъ, Всев. Миллеръ, Потанинъ, Колмачевскій), и до группы ученыхъ, раскрывающей литературное, книжное (преимущественно западно-европейское) вліяніе на былинну, сказку, духовный стихъ, легенду (Александръ Веселовскій, Ягичъ, Ждановъ,

1) G. F. Pöschmann, Ueber den Einfluss der abendländischen Kultur auf Russland. Dorpat, 1802. Не лишено интереса то обстоятельство, что новѣйшее заявленіе о данномъ вопросѣ исходитъ изъ того же университета (Е. Шмурло. Востокъ и Западъ въ русской исторіи. Ученые запячки Юрьевск. Универс. 1895, III).

Кирпичниковъ), до изслѣдователей финскаго вліянія на русскую народную поэзію, наконецъ до усердныхъ византистовъ. Съ изысканіями такого рода большинство какъ будто уже свыкло, быть можетъ, не отдавая себѣ вполнѣ отчета въ томъ, что объединенные результаты этихъ работъ производятъ немалое опустошеніе въ мирныхъ садахъ древней нашей словесности, гдѣ царствовала еще недавно такая тишь и благодать, и что со многими красивыми преданіями и quasi-учеными мифами придется навсегда разстаться. Но, когда рѣчь заходитъ объ изслѣдованіи чужеземнаго вліянія на *новую* русскую словесность, и когда принимается въ расчетъ именно вліяніе *западно-европейское*, все еще слышатся ропотъ и протесты, — точно это понятіе тождественно съ вредоноснымъ, губительнымъ началомъ, которому слѣдуетъ приписать многія изъ нашихъ золъ и пороковъ. И въ то время, какъ въ здоровой и безпристрастной наукѣ, да постепенно и въ обществѣ укореняется убѣжденіе, что безъ сравнительно-историческаго изученія европейскихъ литературъ и русской словесности нельзя ни объяснить явленій ея, ни опредѣлить границъ самостоятельнаго творчества¹⁾, держится охранительное предуѣжденіе, враждебное и нетерпимое.

Если въ принципѣ междуплеменный обмѣнъ признанъ несомнѣннымъ, должно казаться необъяснимымъ нежеланіе узнать такую же правду о западномъ вліяніи, какъ и о восточномъ, славянскомъ, византийскомъ.

Не географическій же терминъ страшитъ и возмущаетъ, — вѣдь еслибы за западнымъ нашимъ рубежомъ разстлались необозримыя степи, и оттуда неслась къ намъ унылая пѣсня кочевника или аскетическая буддійская притча, противъ перехода ихъ въ русское народное достояніе никто бы не высказался. Но историческая судьба народа нашего такъ сложилась, что въ главныхъ, существенныхъ своихъ чертахъ понятіе о *западномъ* вліяніи слилось съ болѣе опаснымъ синонимомъ *просвѣтительнаго* вліянія. Всему свое мѣсто и

¹⁾ „Изолированное изученіе той или другой литературы въ отдѣльности, явчливой, французской или русской, стало рѣшительно невымыслимо“, говоритъ въ 1874 г. Ф. Н. Вуслаевъ во вступленіи къ ст. „Перехожіи повѣсти“ (Мои досуги, 1886. II, 262).